

ЛЕДИ МИРА

ЛУЧШАЯ
ПЕРВАЯ
ЛЕДИ США
ПО МНЕНИЮ
АМЕРИКАНЦЕВ*

АВТО-
БИОГРАФИЯ
ЭЛЕОНОРЫ
РУЗВЕЛЬТ

ПЕРВАЯ ЖЕНА
ПРЕЗИДЕНТА,
КОТОРАЯ
ПОСТРОИЛА СВОЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ
КАРЬЕРУ

Клуб легендарных женщин. Они изменили ход истории

Элеонора Рузвельт

**Леди мира. Автобиография
Элеоноры Рузвельт**

«ЭКСМО»

1937, 1949, 1958, 1961

УДК 929(73)
ББК 63.3(7Сое)-8

Рузвельт Э.

Леди мира. Автобиография Элеоноры Рузвельт / Э. Рузвельт — «Эксмо», 1937, 1949, 1958, 1961 — (Клуб легендарных женщин. Они изменили ход истории)

ISBN 978-5-04-175329-0

Быть женой президента — нелегкая задача. Однако Элеонора Рузвельт вошла в историю не просто как первая леди. Она запомнилась прирожденным лидером, активистом Демократической партии, правозащитником и одной из самых деятельных жен президентов за всю историю. В автобиографии Элеонора Рузвельт говорит про свой уникальный стиль руководства и правила ведения переговоров. Учит нас видеть в каждом человеке личность, рассказывает про способность сохранять отношения. Ее жизнь — это пример того, как без особых талантов можно преодолеть препятствия, которые кажутся непосильными. Как делать то, что чувствуешь сердцем, несмотря на критику. Как, несмотря на неуверенность, страх, можно найти способ жить свободно и полноценно. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(73)
ББК 63.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-04-175329-0

© Рузвельт Э., 1937, 1949, 1958, 1961
© Эксмо, 1937, 1949, 1958, 1961

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элеонора Рузвельт

Леди мира. Автобиография

Элеоноры Рузвельт

© Наумова В.С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ тем, кто будет избавлен от необходимости читать все три тома моей автобиографии и кому она покажется более легкой и приятной для чтения.

Пролистывая страницы, я думаю, что эта книга позволяет глубже изучить мой образ жизни и годы моего замужества, а все, что расширяет понимание, надеюсь, имеет ценность.

Э. Р.

В этой книге я хочу выразить особую благодарность мисс Элинор Деннистон. Одна я бы не справилась с долгой и утомительной, но необходимой работой по сокращению трех томов до одного и добавлению необходимых частей, а также приведению книги в более современное состояние.

Мисс Деннистон – самый терпеливый, талантливый и полезный напарник. Без нее это издание не появилось бы на свет. Я со всей теплотой благодарю ее и хочу выразить здесь свою глубокую признательность и удовольствие от работы с ней на всех этапах.

Э. Р.

Предисловие

Это одновременно и сокращенная, и дополненная версия моей автобиографии. Сокращенная потому, что малоинтересный материал был удален. Дополненная – благодаря добавлению новой информации, которая делает эту книгу более актуальной. Когда я впервые взялась рассказывать историю своей жизни, мне было сложно решить, что в нее стоит включить. Теперь же мне пришлось думать, что из нее убрать. В обоих случаях труднее всего было попытаться взглянуть на себя и события своей жизни со стороны. Подобного угла обзора добиться нелегко, потому что для меня, как и, полагаю, почти для всех остальных людей, самыми важными оказывались не большие, важные события, а нечто маленькое, более личное.

Никто, как мне кажется, не способен увидеть свою жизнь отчетливее и яснее, чем это могут сделать его друзья или враги. Это невозможно ни с нравственной, ни с физической точки зрения. Максимум, что дано человеку, – постараться быть настолько честным, насколько это возможно.

Свою цель я изложила в конце главы *«Это моя история»*.

Порой я задаюсь вопросом, откуда у людей берется столько мужества или, как многие, наверное, думают, тщеславия, чтобы написать автобиографию.

Анализируя собственные мотивы, я пришла к выводу, что у меня было две цели. Одна из них – попытка показать, в каком мире я выросла и как этот мир изменился на сегодняшний день. Другая – дать наиболее правдивое представление о себе как о человеке. Подлинная картина жизни любой личности интересна сама по себе. Но особый интерес дает наблюдение за игрой других людей, которые оставили след в характере этого человека, и за обществом того времени. Большая разница между миром 1880-х годов и современностью¹, как мне кажется, проявилась в необычайном ускорении нашего мира.

Долгие годы я выступала в роли резонатора учений и влияния моего непосредственного окружения. Я научилась мыслить самостоятельно лишь после того как встала на ноги, поэтому в юности меня нельзя было назвать настоящей личностью. У современной молодежи все будет иначе. Они должны повзрослеть в гораздо более раннем возрасте из-за нынешних реалий. Моя бабушка жила в мире устойчивых традиций и привычек, которые менялись более или менее медленно. Современный мир мгновенно принимает нечто новое, и за два года это становится обыденным, устаревают.

Для тех из нас, кто любит изучать людей, художественная литература интереснее любой другой формы, потому что здесь автор может говорить правду, не причиняя никому вреда и не слишком унижая себя. Он может открыто рассказать о своем опыте и о том, что узнал, наблюдая за душами человеческими и их работой. В автобиографии это сложно сделать, как ни старайся. Но, чем честнее вы будете относиться к себе и другим людям, тем ценнее в будущем окажется ваша рукопись. Она станет отражением людей и их проблем в период времени, который охватывает автобиография.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с проблемами и по-разному реагирует на обстоятельства. Люди уникально воспринимают одни и те же вещи, поэтому у каждого будет свой опыт и свои жизненные уроки.

Для меня, так много мечтавшей в детстве, жизни людей всегда отчасти напоминали сюжеты книг. Я узнала одну истину, которая много раз сослужила мне хорошую службу: самое главное в любых отношениях не то, что ты получаешь, а то, что ты отдаешь.

---

¹ Под современностью здесь подразумеваются 60-е гг. XX века. – *Прим. пер.*

Наша семья Холлов была довольно типичной для 1900-х годов. Где-то в прошлом остались те люди, которые усердно трудились, работая руками и головой. В наше время такой потребности уже не было, а материальные условия жизни казались стабильными.

Мой дедушка Холл был типичным представителем группы, успевшей достичь цели. Этот праздный джентльмен любил вести интеллектуальные беседы в приятном обществе и не считал необходимым работать. Его дети утратили многие качества своих закаленных, твердолобых предков, хотя мир был уже не таким стабильным, каким казался, и деньги стали ускользать из рук. Сегодня, спустя два поколения, все настолько изменилось, что молодежи часто приходится начинать с нуля, и я с интересом наблюдаю, как многие развивают те же способности, которыми обладали их работающие прародители.

Я наблюдала этот цикл в своей семье, поэтому меня всегда забавляет, когда определенная группа людей воспринимает как должное то, что имеет, лишь потому, что пользовалась привилегиями несколько поколений. Эти люди абсолютно далеки от мужчин и женщин, которые работают не покладая рук, чтобы держаться на плаву. Лишь везение позволяет им вести прежний образ жизни, но вскоре фортуна может от них отвернуться и опустить на базовый уровень потребностей.

Такая мысль никогда и в голову не приходила моей бабушке, считавшей мир довольно стабильным, а наши дети и внуки принимают это как простую банальность, не поведя и бровью.

Многих упомянутых мною людей гораздо лучше и полнее опишут другие люди, за исключением отца, чья короткая и счастливая молодость так трагически оборвалась. В моей памяти он навсегда остался ярким и живым, как персонажи из *«Синей птицы»*, и продолжал делиться своей нежностью и добротой.

Чем сильнее ускоряется мир, тем острее встает вопрос выхода из комфортного, привычного прошлого. В том числе это и отказ от спокойствия, такого редкого в наше время. Возможно, для его обретения необходимо определенные периоды жизни провести в более или менее спокойном окружении. Не так давно в книге Дэвида Грейсона *«Год из жизни крестьянина»* я прочитала следующие слова: «За спокойствием всегда скрывается побежденное несчастье». Возможно, нашим бабушкам и дедушкам было легче победить несчастье, потому что их жизнь не проходила в постоянном напряжении. Вне всяких сомнений, всем нам приходится сталкиваться с бедами на своем жизненном пути.

В конце концов, автобиографии полезны лишь тем, что описания жизней, которые вы изучаете и анализируете, могут предложить вам нечто полезное, что пригодится в будущем. Я, конечно, не жду, что кто-то обязательно столкнется с теми же переживаниями, ошибками или удовольствиями, с которыми столкнулась я, но, возможно, одно мое безрассудство окажется полезным! Ошибки, которые я совершила, когда мои дети были совсем еще маленькими, могут как-то помочь или утешить встревоженную и неопытную мать. Из-за неуверенности в своих силах человек бывает более строг с детьми, сильнее раздражается по пустякам и пытается доказать свою власть над единственным беззащитным существом, оказавшимся в поле его зрения.

Думаю, все мы в долгу перед своими друзьями и родственниками. Я понимаю, что без друзей не стала бы нынешней собой, и многое так бы и осталось для меня закрытой книгой.

Мои годы брака кажутся более тесно связанными с той жизнью, которую все мы знаем сегодня. Они были яркими, активными и интересными. Я научилась адаптироваться и приспособливаться к возникающим обстоятельствам, стала самостоятельным человеком и состоялась как личность, что должен сделать каждый.

Я кратко описала небольшую поездку в Европу после Первой мировой войны и думаю, что она имела далеко идущие последствия. Я довольно хорошо знала Европу и особенно Францию с ее аккуратным и замысловатым деревенским ландшафтом. Картина опустошения породила во мне неугасающую ненависть к войне, которая до того момента не была окончательно сформирована в моей голове. Убежденность в бесполезности войны для решения международ-

ных проблем становилась все сильнее и сильнее, пока я слушала разговоры людей. В то время я мало говорила об этом, но впечатление было настолько сильным, что с годами не угасало, а укоренялось в моей памяти все глубже и глубже.

В части *«Это моя история»* я описала первые годы своей жизни, исчезающий мир, в котором я росла, веяния и ценности, преобладавшие в тот период.

В части *«Я помню об этом»* я вспоминаю более масштабный и судьбоносный период, связанный главным образом с политической жизнью моего мужа в одну из самых трагических и насыщенных событиями эпох в истории человечества, а также с постепенным расширением моей собственной деятельности.

В части *«Сама по себе»* я попыталась изложить картину меняющегося мира, каким я его видела в последние годы, и описать то, чем я занималась в надежде искоренить такое ужасное и глупое явление, как война, и заменить его, пускай медленно и болезненно, эпохой братства.

В последней части книги, *«В поисках понимания»*, я добавила новый материал о последних нескольких годах. Они были очень насыщенными: каждая минута моего дня была чем-то занята, и работа нередко продолжалась с восьми утра до глубокой ночи. Эти перегруженные часы были интересными и плодотворными. Надеюсь, они были кому-то полезны. Как минимум я прожила их до предела.

Автобиография ценна только в том случае, если выполняет одну из двух задач или желательно обе. Она помогает сохранить воспоминания об исчезнувшем образе жизни или о людях, которые сыграли исторически важную роль в свою эпоху, глазами конкретного человека и, пускай и немного, расширить наше представление о прошлом. Или, в более личном плане, она способна помочь читателям решить свои проблемы. В истории жизни нет ничего особенно интересного, если только люди, читая ее, не скажут: «Это похоже на то, через что мне пришлось пройти. Возможно, все-таки есть способ со всем этим справиться».

Поспешу добавить, что я не даю советов и рекомендаций, а просто хочу показать, что даже без особых даров можно преодолеть препятствия, которые кажутся непосильными; что, несмотря на неуверенность, страх и отсутствие ярких талантов, можно найти способ жить свободно и полноценно.

Наверное, самым важным в моей жизни было осознание, что надо любыми средствами, какими бы скудными они вам ни казались, как можно лучше готовиться к каждому событию. Тогда у вас получится ухватиться за ближайшую возможность и пережить более глубокий опыт. Без подготовки этого сделать нельзя. Самое фатальное – отказаться от такого шанса. Жизнь задумана для того, чтобы ее проживали, и важно при этом не терять любопытство. Ни в коем случае нельзя отворачиваться от жизни.

*Э. Р., Гайд-парк,
декабрь, 1960 г.*

Часть I

Это моя история

Глава 1

Воспоминания из детства

Моя мама была одной из самых красивых женщин, что я когда-либо видела. Ее отец, мой дедушка Холл, не утруждал себя делами. Он жил на то, что досталось ему от родителей.

У него был дом под номером 11 в Нью-Йорке, расположенный на 37-й Западной улице, а на реке Гудзон, примерно в восьми километрах к северу от деревни Тиволи, на земле, которая была частью старого поместья канцлера Ливингстона, он построил еще один. Мать моей бабушки носила фамилию Ливингстон, поэтому мы были родственниками Ливингстонов, Кларксонов и Де Пейстеров, которые жили в домах вдоль по Ривер-роуд.

Дедушка Холл обожал теологию, и в его библиотеке хранилось бесчисленное количество книг о религии. Большинство из них не представляли для меня большого интереса в детстве, но Библия с иллюстрациями Доре отняла много часов времени и подарила множество кошмаров!

К моей невероятно красивой бабушке Холл, которая в девичестве носила фамилию Ладлоу, относились как к любимому, но несколько избалованному ребенку. От нее ждали рождения детей, и она стала матерью семерых чад, воспитание которых не планировали возлагать на ее плечи. Дедушка совсем не учил ее ведению дел и умер, не оформив завещания и оставив бабушку, которая не умела даже выписать чек, с шестерыми детьми младше семнадцати лет. К такой ответственности она была совершенно не готова.

Двое старших детей, моя мама и Тисси (ее настоящее имя было Элизабет; позже она стала миссис Стэнли Мортимер), характером походили на отца. Они были глубоко религиозны, умны и дисциплинированы. За городом они несколько раз в день ходили от дома до главной дороги, держа за спиной в сгибе локтей палку, чтобы улучшить осанку. Мой дедушка строго следил за тем, что они читают и пишут, как выражают себя, и прививал им самые высокие стандарты поведения. Результатом этого стал сильный характер с четкими представлениями о добре и зле и строгое соблюдение традиционного этикета настоящих леди, который им преподнесли как единственно правильный.

Внезапно этой сильной руки не стало, и младшие дети – два мальчика и две девочки – выросли без отцовской дисциплины. Ведь как могла инфантильная женщина вдруг взять на себя бремя воспитания?

Мне рассказывали, что в первый год после смерти деда мама была путеводным духом семьи, но в девятнадцать лет она вышла замуж за моего отца.

Моя мама принадлежала к числу представителей нью-йоркского общества, которые считали себя крайне важными людьми. Старый мистер Питер Мари, который устраивал вечеринки для избранных и чье одобрение ставило клеймо успеха на молодых девушках и новоиспеченных женах, назвал ее королевой и склонился перед ее очарованием и красотой, а для нее это было очень важно.

В этом обществе было принято проявлять доброту к малоимущим, не пренебрегать филантропией, помогать больницам и нуждающимся. Приглашения пообедать и потанцевать обычно принимали только от нужных людей. Жить необходимо было в окружении себе подобных. А еще – серьезно задумываться об образовании детей, читать книги, которые читали все, знакомиться с хорошей литературой. Короче говоря, придерживаться привычного паттерна.

Происхождение и воспитание моего отца, Эллиота Рузвельта, очаровательного человека, который влюблял в себя каждого на своем пути, отличалось от мамино. Он был физически слаб, что сам, вероятно, никогда до конца не осознавал. В пятнадцать лет он покинул стены школы им. Св. Павла спустя год обучения из-за болезни и отправился в Техас. Там он подружился с офицерами пограничного Форта Мак-Каветт и остался у них. Он охотился за дичью и ходил в разведку в поисках враждебно настроенных индейцев. Он любил жизнь и был прирожденным спортсменом, хорошим стрелком и отменным наездником. Думаю, такая жизнь оставила на нем неизгладимый след. К своей семье, в Нью-Йорк, он вернулся здоровым и сильным, но, похоже, детская болезнь постепенно истощала внутренние запасы сил, к которым все мы обращаемся время от времени.

Дедушка Рузвельт умер до того, как моему отцу исполнился двадцать один год. В то время как его старший брат Теодор, позднее ставший президентом Соединенных Штатов, делечивал последствия детской астмы и посещал Гарвардский колледж, Эллиот, с согласия снисходительной матери и двух обожающих сестер, принял часть отцовского наследства и отправился в кругосветное путешествие. Он охотился в Индии в те времена, когда очень немногие жители нашей страны могли позволить себе подобное.

Мой отец вернулся из путешествия как раз к празднованию свадьбы сестры Коринн и своего друга, Дугласа Робинсона. Затем он женился на Анне Холл, после чего трагедия и счастье шли, по очереди наступая друг другу на пятки.

Папа обожал мою маму, а она, всегда более сдержанная и менее спонтанная, была преданна ему. Сомневаюсь, что их семьи могли бы разниться еще больше. Семью отца волновало не столько Общество (именно с большой буквы «О»), сколько люди, среди которых были и мальчишки-газетчики с улиц Нью-Йорка, и калеки, коих пытался вылечить доктор Шефер, один из самых известных первых хирургов-ортопедов.

Моя бабушка со стороны отца и молодая жена его брата Теодора по имени Элис Ли умерли с разницей в несколько дней. Последняя оставила после себя лишь малышку Элис на утешение скорбящему молодому отцу. Мой папа очень тяжело переживал эти потери. Но вскоре, в октябре 1884 года, на свет появилась я, по общему мнению гораздо более морщинистая и некрасивая, чем среднестатистический младенец, но ставшая для отца чудом с небес.

Я была застенчивой и серьезной уже в два года и даже во время танцев не улыбалась. Самые ранние воспоминания из детства – эпизоды, когда меня наряжали и отправляли потанцевать перед группой джентльменов, которые хлопали в ладоши и смеялись, пока я выписывала перед ними пируэты. В конце концов отец хватал меня и высоко поднимал. Он занимал самое большое место в моей судьбе до конца своих дней и был любовью всей моей жизни еще долгие годы после смерти.

В компании отца я была абсолютно счастлива. У нас до сих пор осталась деревянная картина, на которой изображена строгая девочка с прямой челкой на весь лоб, назидательно поднявшая палец. Папе нравилась эта картина, он называл ее «Маленькая Нелл ругает Эллиота». У нас был загородный дом в Хемпстеде, Лонг-Айленд, где отец мог охотиться и играть в поло. Он обожал лошадей и собак, поэтому в нашем хозяйстве всегда были и те, и другие. Папа занимался бизнесом, и, вдобавок к работе и спорту, они с мамой вели насыщенную общественную жизнь. Отец был центром моего мира, и все окружающие его очень любили.

Была ли это детская травма, которую усугубляло напряжение его жизни, или боль, которую он пережил после перелома ноги – ее пришлось вправить, переломать и снова вправить, – я не знаю. Папа начал выпивать, и для моей матери, дяди Теодора и их сестер начался период мучительной тревоги, который продлился до папиной смерти в 1894 году.

В 1890 году мы с родителями и младшим братом отправились зимовать в Италию, чтобы помочь папе вылечиться и взять себя в руки. Помню, как он изображал гондольера, возил меня по венецианским каналам, пел вместе с другими лодочниками к моей огромной радости. Я

любила его голос и больше всего то, как он ко мне относился. Он называл меня Малышкой Нелл в честь героини «*Лавки древностей*» Диккенса, и я никогда не сомневалась, что занимаю первое место в его сердце.

Но иногда я его раздражала, особенно когда разочаровывала в таких вопросах, как смелость, что бывало довольно часто. Помню, мы поехали в Сорренто, и мне дали осла, на котором я ездил по красивым дорогам. Однажды меня обогнали все остальные и предложили следовать за ними, но на первом крутом спуске, где они соскользнули вниз, я побледнела и предпочла остаться на большой дороге. До сих пор помню этот осуждающий тон в папином голосе, хотя сами слова упрека давно растворились.

Помню поездку на Везувий с отцом, как мы бросали монетки в вулкан, а они отпрыгивали назад, окутанные в лаву, и бесконечное путешествие вниз по склону. Мне было трудно идти, и я помню, как старалась не заплакать, чтобы отец меня не ругал.

Мама сняла дом в Нейи, недалеко от Парижа, и поселилась там на несколько месяцев: в конце июня она ожидала малыша. Отец отправился в санаторий, а его старшая сестра Анна, наша тетушка Бай, приехала побыть с моей матерью. Меня решили отправить в монастырь для изучения французского языка и заодно пристроить куда-нибудь к моменту рождения ребенка.

Время в монастыре было не самым счастливым. Мне еще не исполнилось шести, и я была очень чувствительной девочкой с непомерной жадой любви и похвалы. Наверное, так я пыталась компенсировать простоту своей внешности и отсутствие манер. Мою маму беспокоило, что я недостаточно красива, и я чувствовала это, потому что дети всегда чувствуют такие вещи. Мама изо всех сил старалась воспитывать меня так, чтобы манеры компенсировали внешность, но ее усилия лишь заставляли меня еще острее осознавать свои недостатки.

От маленьких девочек моего возраста, с которыми я оказалась в монастыре, вряд ли можно было ожидать повышенного интереса к ребенку, который не говорит на их языке и не исповедует их религию. У них был свой маленький алтарь, и они усердно трудились над его обустройством. Я мечтала, чтобы мне разрешили присоединиться к ним, но неизменно оставалась в стороне и блуждала одна в огороженном саду.

Наконец, я пала жертвой искушения. Одна из девочек проглотила монету, и все внимание было приковано к ней. Мне так хотелось побывать на ее месте, что я пошла к одной из сестер и соврала, будто проглотила монетку. Было очевидно, что я это сочинила, поэтому сестры вызвали мою маму. Она забрала меня, сгорая от стыда. Сейчас я понимаю, каким ужасным был для такой хорошо воспитанной женщины тот факт, что ее ребенок соврал.

Поездка домой была сплошным страданием, потому что быстрое наказание я переносила гораздо легче, чем долгие ругательства. Я с радостью обманывала, чтобы избежать их, но, если бы знала, что меня просто уложат в постель или отшлепают, наверное, говорила бы правду.

Привычка врать осталась со мной на долгие годы. Мама не понимала, что ребенок может лгать из-за страха. Я сама не понимала этого до тех пор, пока не выросла и не осознала, что бояться нечего.

Отец приехал к моменту рождения моего брата и, хотя вызывал большое беспокойство, он был единственным, кто не относился ко мне как к преступнице!

Малышу Холлу исполнилось несколько недель, когда мы отплыли домой, оставив папу в санатории во Франции, откуда его брат, Теодор, должен был забрать его немного позже.

Ту зиму мы прожили без отца. Я спала в маминной комнате. До сих пор вспоминаю чувство трепета в те моменты, когда я наблюдала, как мама наряжается для посещения очередного мероприятия. Она была так прекрасна, что я была рада, когда мне разрешали просто прикоснуться к ее платью, к ее драгоценностям или к чему-либо, что составляло образ, которым я бесконечно восхищалась.

Те летние месяцы, когда папа был в отъезде и пытался восстановить свое здоровье, мы проводили в основном в доме бабушки в Тиволи, который позже стал домом и для нас с Холлом.

Отец отправил нам одну из своих лошадей – старую охотницу, на которой ездила моя мама, – и я помню, как каталась вместе с ней. Еще живее воспоминания о тех временах, когда меня отправляли в гости к двоюродной бабушке, миссис Ладлоу, чей дом находился неподалеку от нас, но ближе к реке и почти вне поля зрения: в этой части реки все дома были довольно далеко друг от друга.

Миссис Ладлоу была уверенной в себе красавицей и отличной домохозяйкой. Помню один незабываемый случай, когда она решила выяснить, что я знаю и умею. Увы, я даже читать не могла! Тогда бабушка попросила свою подругу, Мадлен, давать мне уроки чтения. Потом она узнала, что я не умею ни шить, ни готовить и вообще не знаю ничего из того, что положено девушке. А мне, кажется, было шесть лет.

Думаю, после этого маму здорово пристыдили, ибо Мадлен стала играть важную роль в моей жизни и начала учить меня швейному делу.

Я все еще ночевала в комнате мамы, и каждое утро мне приходилось зачитывать ей наизусть отрывки из Ветхого и Нового Завета. Жаль, что сегодня я не могу вспомнить все, что выучила тем летом.

Иногда я просыпалась из-за маминых разговоров с сестрами и с огромной жадностью подслушивала беседы, не предназначенные для моих ушей. Я получала странное, искаженное представление о проблемах, творящихся вокруг меня. С отцом что-то было не так, а с моей точки зрения, с ним ничего не могло быть «не так».

Если бы только люди понимали, какая война происходит в голове и душе ребенка в такой ситуации, думаю, они бы попытались объяснить мне больше, чем объясняли тогда.

Осенью, когда мне было семь лет, мы вернулись в Нью-Йорк, в дом на 61-й Восточной улице, в двух кварталах от тетушки Бай, жившей на пересечении Мэдисон-авеню и 62-й Восточной улицы. Мама купила этот дом и навела в нем порядок. С ней была маленькая дочь дяди Теда, Элис, и той зимой состоялось наше первое настоящее знакомство. Элис уже казалась намного старше и умнее, и я всегда ее побаивалась, хотя и восхищалась, и даже когда мы подросли, ничего не изменилось, ведь она стала «Принцессой Элис» в Белом доме.

Той зимой мы подружились с юным Робертом Манро-Фергюсоном – молодым человеком, которого старший брат отправил из Англии в Америку, чтобы тот проложил себе дорогу в мир. Мои родители были знакомы с его старшим братом Рональдом (впоследствии лордом Новаром) и с тетушкой Бай. Мальчика приняли в ее дом, устроили в офис Дугласа Робинсона, и так он стал дорогим и близким другом всей семьи.

Вечерами мою маму всегда сопровождали трое детей. Мой младший брат Элли обожал ее и был настолько хорош, что его никогда не приходилось ругать. Малыша Холла все называли Джошем, и он был слишком мал для всего, кроме сидения на коленях с довольным видом. Я ощущала любопытный барьер между собой и этой троицей. Мама прилагала огромные усилия, воспитывая меня: читала мне книги и заставляла рассказывать стихи, учила меня после того, как мальчики уходили спать, и я до сих пор помню, как стояла в двери, частенько держа палец во рту, и слышала мамин голос: «Заходи, старушка». Если в этот момент с ней рядом кто-нибудь находился, она иногда поворачивалась и говорила: «Такая забавная девочка, такая старомодная, мы постоянно зовем ее “старушкой”». От стыда мне хотелось провалиться под землю.

Внезапно все изменилось! Нас, детей, увезли из дома. Я уехала погостить к крестной маме, миссис Генри Пэриш, а мальчики поехали к маминной тете, миссис Ладлоу. Бабушка покинула свой дом и семью, чтобы ухаживать за моей мамой: она заболела дифтерией, а тогда

еще не было антитоксина. За папой послали человека в Вирджинию, но он приехал слишком поздно. В те дни дифтерия быстро справлялась со своей задачей.

Помню, как стояла у окна, когда кузина Сюзи (миссис Пэриш) сообщила мне, что мама умерла. Это было 7 декабря 1892 года. Смерть ничего для меня не значила, и один факт перекрывал все остальное. Мой папа вернулся, и вскоре я должна была его увидеть.

Позже я узнала, какой трагедией для него было это событие. Он понял, что никогда не возместит маме годы печали, которые навлек на нее. Она оставила меня с братьями на попечение своей матери, и у папы не осталось ни жены, ни детей, ни надежды.

Теперь я понимаю, какие перемены это означало для семьи бабушки Холл, и восхищаюсь добротой двух моих дядей и двух тетюшек, которые все еще жили в бабушкином доме, ибо ни единым словом или поступком никто из них не заставил нас почувствовать себя чужими.

После того как мы устроились, ко мне приехал папа, и я помню, как спустилась в темную библиотеку с высокими потолками на первом этаже дома на 37-й Западной улице. Отец сидел на большом стуле, одетый во все черное, и выглядел очень подавленным. Он протянул руки и прижал меня к себе. Потом он начал объяснять мне, что мамы больше нет, что она была для него целым миром, а теперь у него остались только мои братья и я, что мои братья еще очень маленькие и что мы с ними должны держаться друг за друга. Когда-нибудь мы с папой воссоединимся, будем путешествовать вместе и делать много замечательных вещей, которых я с нетерпением ждала от будущего.

Почему-то в моем воображении всегда были только я и папа. Я не понимала, будем ли мы воспитывать моих братьев, или же они отправятся в школу, а потом станут независимыми.

В тот день появилось ощущение, которое никогда меня не покидало, что мы с папой очень близки и когда-нибудь у нас будет своя жизнь. Он попросил меня почаще писать ему, быть хорошей девочкой, не доставлять хлопот, усердно учиться, вырасти женщиной, которой он сможет гордиться, и обещал приезжать ко мне, когда сможет.

Когда он ушел, я осталась совсем одна, храня наш секрет взаимопонимания и привыкая к новому образу жизни.

Мои братья жили в комнате с Мадлен, а мне досталась маленькая спальня в холле рядом с ними. Я была достаточно взрослой и могла о себе позаботиться, правда по вечерам мне приходилось расчесывать волосы. Меня сопровождали, водили на занятия и любые послеобеденные мероприятия гувернантки – служанки из Франции и Германии. Из-за меня они с ног сбивались и всегда пытались поговорить со мной, а я хотела, чтобы меня оставили в покое, позволили жить в придуманном мире, где я буду главной героиней, а папа – главным героем. Я удалялась в этот мир, как только засыпала, и пряталась там, когда гуляла или когда мне кто-нибудь надо-едал.

Я была здоровым ребенком, но время от времени зимой у меня болело горло и развивался тонзиллит, поэтому холодные ванны стали ежедневным утренним ритуалом – и как же я ловко выкручивалась, чтобы не принимать эти ванны! Мадлен не всегда была рядом в этот момент, из-за чего в воду попадало больше кипятка, чем нужно.

Бабушка хотела, чтобы я учила французский. Отец мечтал, чтобы я занялась музыкой. До восемнадцати лет я развивала свою музыкальную сторону, но никто и никогда не тренировал мой слух! Наблюдая за игрой тети Пусси, я научилась наслаждаться музыкой. Тетя была очаровательным, прекрасным созданием, а ее игра – одной из незабываемых радостей моего детства.

Я бы все отдала, чтобы стать певицей. Мне казалось, что так можно доставлять людям массу удовольствия и – да – получать внимание и восхищение! Все свое детство я мечтала именно о внимании и восхищении, потому что мне довольно четко дали понять, что в моей внешности нет никакой изюминки.

Вспоминая этот дом на 37-й улице, я понимаю, как по-разному в те дни протекала жизнь в Нью-Йорке. В городе было несколько больших и красивых зданий, по большей части на Пятой авеню. Мэдисон-сквер все еще был почти полностью жилым районом, а с 14-й по 23-ю улицу располагалась коммерческая зона.

На улицах не было автомобилей. Их место занимали лошади и шикарные экипажи. На Пятой авеню трудились омнибусы, а по другим авеню и перекресткам ходили конки. Пролетные дрожки и двухколесные экипажи в те времена выполняли роль такси.

Наш старомодный дом, отделанный темно-коричневым песчаником, как и все другие дома в переулках, был довольно большим и уютным, с высокими потолками. В его темном подвале располагались служебные помещения с такими условиями труда, которые сегодня никто в своем уме не стал бы терпеть. Прачечную освещало единственное маленькое окошко с видом на задний двор, и, конечно же, у нас не было электричества. Современным наш дом делал проведенный газ!

В комнате для прислуги не имелось вентиляции и удобной мебели. Их ванная комната находилась в подвале, так что в каждой крошечной спальне стояли таз и кувшин.

У нас работали повар, дворецкий, горничная, которая также была служанкой моих юных тетушек, и прачка. Семья состояла из моей бабушки, Пусси и Мод, которая была самой младшей до нашего приезда, Валли – моего старшего дяди – и временами Эдди, который был примерно на два года младше. Эдди предпочитал кочевой образ жизни и, насколько я помню, однажды совершил долгое путешествие в Африку.

В этот дом я переехала вместе с двумя младшими братьями и их няней.

Бабушка казалась мне очень старой дамой, хотя теперь я понимаю, что она была еще совсем молодой. Она почти все время проводила в своей спальне и спускалась вниз, когда к ней приходили гости. Их она принимала в гостиной с массивной мебелью, покрытой позолотой и обитой голубым дамаском. Ее дочери заняли библиотеку, которая представляла собой большую переднюю комнату, где стояло пианино, а большой эркер с выходом на улицу впускал в помещение много света.

Столовая в пристройке в задней части здания была довольно светлой благодаря трем окнам. Позади нее находилась кладовая, где я проводила много времени, – там добрый дворецкий Виктор учил меня мыть посуду и вытирать ее. Иногда, когда я попадала в немилость и отправлялась в постель без ужина, он или горничная Китти приносили мне что-нибудь поесть.

Годы изменили мою бабушку. Она старалась растить детей в любви, а дисциплину оставила дедушке. После его смерти она все еще стремилась окружить детей самой большой любовью, но позже обнаружила, что не может контролировать ни Валли, ни Эдди, ни Пусси, ни Мод. Она была твердо убеждена, что внуки, которые сейчас находятся под ее опекой, должны обладать той дисциплиной, которой не хватает ее собственным детям, и нас воспитывали по принципу, что «нет» сказать проще, чем «да».

Оглядываясь назад, я понимаю, что всегда чего-то боялась: темноты, неприятных людей, провалов. Все, чего я достигала, приходилось делать вопреки страхам. Помню один случай, когда мне было около тринадцати лет. У Пусси сильно болело горло, и ей нравилось, когда я что-нибудь делала за нее, чем я очень гордилась. Она позвала меня однажды ночью. Вокруг было темно, и я с трудом пробралась в ее комнату. Она спросила, не могу ли я сходить в подвал и принести немного льда из холодильника. Это означало пройти три лестничных пролета. После одного из них мне предстояло закрыть дверь и оказаться в полном одиночестве, а потом пробраться в крошечной темноте к холодильнику на заднем дворе!

У меня дрожали колени, но я не видела иного выбора, кроме как выполнить поручение. Я пошла и вернулась со льдом, еще раз продемонстрировав, что дети превыше всего ценят возможность быть по-настоящему полезными.

С ранних лет я осознала, что вокруг меня есть люди, которые так или иначе страдают. Мне было пять или шесть лет, когда папа взял меня помогать с сервировкой ужина в честь Дня благодарения в одном из журналистских клубных домов, который основал мой дедушка, Теодор Рузвельт. Кроме того, много лет он был попечителем организации Children's Aid Society (Общество помощи детям). По словам папы, у многих из этих маленьких сорванцов не было своего дома, поэтому они жили в деревянных лачугах на пустых участках, спали в вестибюлях домов, общественных зданий или в любом другом месте, где получалось хоть немного согреться. Но в то же время они жили независимо и сами зарабатывали себе на пропитание.

Каждое Рождество бабушка брала меня в Госпиталь последипломного образования, чтобы я помогала наряжать елку для детского отделения больницы. Бабушка испытывала особый интерес к такого рода благотворительности.

Тетушка Грейси брала нас в ортопедическую больницу, которую мой дедушка Рузвельт помог основать доктору Ньютону Шеферу. Судьба этой больницы была глубоко интересна семье. Там я видела бесчисленное множество маленьких детей в гипсе и шинах. Некоторым из них приходилось месяцами терпеливо лежать в странных и любопытных позах. Меня они особенно интересовали, потому что у меня самой было искривление, и некоторое время я носила очень неудобный ортопедический аппарат, который не давал свободно нагибаться.

Даже мой дядя Валли, который в это время занимался бизнесом в Нью-Йорке, чемпион по теннису и популярный в обществе молодой человек, брал меня с собой, чтобы я помогала наряжать рождественскую елку для группы детей в районе под названием «Адская кухня». Долгие годы это была одна из самых бедных и страшных частей Нью-Йорка. Помимо этого, мы с Мод и Пусси ходили петь в Bowery Mission, службу помощи бездомным. Так что я знала, насколько резко контрасты между разными социальными слоями, несмотря на то что нам самим во многом повезло.

Отец занимал ведущее место в моей жизни в тот период, хотя проводил с нами не так уж много времени. Подсознательно я всегда ждала его приездов. Они не отличались регулярностью, и папа редко отправлял весточки перед тем как приехать, но все равно не было ни одного случая, чтобы я, находясь в своей комнате, в двух длинных лестничных пролетах от входной двери, не услышала его голос в ту самую минуту, как он заходил домой. Спускаться пешком было слишком долго. Я соскальзывала по перилам и обычно катапультировалась в его объятия, прежде чем он успевал повесить шляпу на гвоздь.

Отец всегда привозил нам подарки, так что Рождество было замечательным днем, и я до сих пор помню одно из них, когда мне досталось два рождественских чулка: один наполнила бабушка, а другой привез утром папа, находившийся в Нью-Йорке.

В ту зиму, когда умерла моя мама, он пережил очередное горе. Мой младший брат Элли так и не оправился после ее смерти. И он, и малыш Джош подхватили скарлатину, а меня отправили к кузине Сюзи и, конечно же, поместили в карантин.

Джош поправился без осложнений, а вот Элли заболел дифтерией и умер. Время от времени папа приходил погулять со мной, но слишком сильно переживал из-за сыновей и не мог уделять мне много внимания.

14 августа 1894 года, незадолго до моего десятого дня рождения, пришли новости о том, что папа умер. Тети мне обо всем рассказали, но я просто отказывалась в это поверить. Я долго плакала, лежа в постели, но в конце концов заснула и на следующий день, как обычно, начала жить в мире своей мечты.

Бабушка решила, что нам, детям, не стоит идти на похороны, поэтому я не соприкоснулась ни с чем, что сделало бы смерть реальной для меня. Я знала, что папы больше нет, но все равно мысленно жила с ним, наверное, даже ближе, чем когда он был жив.

Мои родители любили встречи с тетей Грейси. Ее обожали все двоюродные племянники и племянницы. Насколько я помню, она была среднего роста, стройная, с четкими чертами

лица и всегда выглядела хрупкой и изящной. В те дни дамы носили длинные платья, которые собирали всю пыль, если не приподнимать их при ходьбе, и я припоминаю образ тети в общих чертах. Она ходила в обтягивающих лифах, типичных для того времени, с высокой спинкой и квадратным вырезом спереди, с неизменно безукоризненным воротником из белого кружева или плиссированной ткани на шее.

Она складывала руки на коленях, когда рассказывала истории, и мне нравилось смотреть на ее ладони. По субботам я часто проводила время со своей милой и любезной двоюродной бабушкой. Мы с Элис Рузвельт и Тедди Робинсоном наслаждались теми днями больше всех.

После смерти папы традиция проводить субботы у тети Грейси оказалась под запретом. Бабушка считала, что мы должны как можно больше времени проводить дома, и, возможно, опасалась, что мы ускользнем из-под ее влияния, если будем часто общаться с активными родственниками по линии Рузвельтов.

Следующие несколько лет моей жизни были довольно однообразными. Зимой – Нью-Йорк со школьными занятиями и частными уроками, а иногда и с развлечениями в виде ужина и игр с парой ребятишек по субботам. Бабушка выступала за поддержание моего юного образа, а тети – за то, чтобы наряжать меня соответственно возрасту, но не размеру. Я была очень высокой, очень худой и очень застенчивой. На уроки танцев и вечеринки меня наряжали в платья, которые были мне выше колена, в то время как большинство девушек моего роста предпочитали длину до колена. Теперь мне кажется, что вся моя одежда была весьма неудобной.

Я одевалась во фланель от шеи до лодыжек с 1 ноября по 1 апреля, независимо от погоды. Конечно же, в комплект входила фланелевая юбка и длинные черные чулки. Как же в них было жарко! А еще к ним прилагались высокие ботинки на пуговицах либо со шнуровкой. Они якобы стройнили лодыжки.

Мы, дети, проводили лето в Тиволи с сиделкой и гувернанткой, даже когда все остальные уезжали. В самые жаркие дни, когда было трудно дышать и мои пальцы прилипали к клавишам фортепиано, я не снимала ни одного из многочисленных предметов одежды. Стоило скатать чулки вниз, и мне тут же говорили, что леди не показывают ноги, и заставляли немедленно натянуть их обратно!

В Тиволи был большой дом с высокими потолками и огромным множеством комнат, по большей части просторных. Дедушка обставил первый этаж в довольно формальном стиле. Там были чудесные подсвечники и мраморные каминные. Мы жили без газа и электричества и, хотя у нас были керосиновые лампы, частенько уходили спать при зажженных свечах. Еще в доме было несколько застекленных шкафов с прекрасными резными фигурками из слоновой кости, крошечный набор столов и стульев, которыми мне нравилось любоваться, а также серебряные украшения и фарфоровые и эмалированные скульптурки, собранные в разных уголках земного шара.

Библиотека была заполнена стандартным набором книг, помимо дедушкиной религиозной литературы. Солидная часть художественных томов попадала в дом благодаря моим молодым тетям и дядям. Поразительно, сколько произведений Диккенса, Скотта и Теккерея они читали и перечитывали, особенно Эдди.

На втором и третьем этажах располагались девять основных спален и четыре двухместные комнаты для прислуги, а еще одна одноместная. Эти комнаты выглядели намного лучше тех, что в городском доме, но никому не казалось странным, что у прислуги не было своей ванной.

На весь большой дом было всего две ванн комнаты, но нам и в голову не приходило, какие неудобства это доставляет, вынуждая пользоваться тазами и кувшинами с водой у себя в спальнях.

Мы, дети, принимали две горячие ванны в неделю, хотя, думаю, бабушка все еще помнила эпоху субботних купаний. Кроме того, я обтиралась холодной губкой каждое утро.

Бабушка разрешала мне сопровождать ее спозаранку, когда она занималась хозяйственными делами, и я несла повару запасы муки, сахара и кофе, которые она тщательно взвешивала в кладовой.

Сегодня немногие слуги были бы довольны готовкой в полумраке, который царил в той большой, старомодной кухне посреди каменного подвала, над которым располагалась пьятца, оставлявшая лишь небольшие оконца для света. В обеденной комнате прислуги была одна дверь, ведущая в подвальный коридор. Прачечная выглядела немного лучше, потому что в ней было две двери, которые вели на террасу. Там я провела не один час.

Нашими вещами – и что это были за вещи! – занималась всего одна женщина, миссис Оверхолс, без помощи электрических стиральных машин или утюгов. У нее была стиральная доска, три ванны, пресс и маленькая печка, на которой стояли утюги разного веса. Печку топили дровами либо углем.

Миссис Оверхолс была жизнерадостной, здоровой, душевной женщиной и прирожденной хозяйкой. Она приходила и весь день стирала нашу одежду, а потом возвращалась поздно вечером домой и заканчивала работу на своей ферме. У нее было несколько детей. Она научила меня стирать и гладить, и, хотя мне не разрешали прикасаться к более деликатным вещам, носовые платки, салфетки и полотенца часто выпадали на мой жребий, и мне нравилось проводить время с этой веселой женщиной.

Пусси обладала нежной творческой натурой, поэтому бывали дни, когда я шла к Мод за утешением, потому что Пусси ни с кем не хотела разговаривать. Постепенно я приняла эту часть ее характера и была благодарна за все прекрасное, что Пусси сделала, терпеливо ожидая, пока пройдет очередной шторм.

Однажды летом она взяла меня и гувернантку на остров Нантакет на пару дней – это была увлекательная поездка для ребенка, который никуда не ездил, кроме как вверх и вниз по Гудзону. Через несколько дней, думаю, тете стало с нами скучно. Она уехала, а у гувернантки не хватило денег, чтобы отвезти нас домой. Пусси совсем забыла про нас и в конце концов обратилась к бабушке, которая прислала достаточно денег, чтобы оплатить счета и отвезти нас домой.

Когда мои молодые тети и дяди куда-нибудь уезжали, я оставалась совсем одна. Это одиночество выработало у меня привычку брать книгу с собой в поле или лес и, сидя или лежа в тени дерева, совсем забывать о времени. Никто не пытался контролировать, что я читаю, хотя однажды, когда я наткнулась на книгу, которую не могла понять, и начала задавать людям сложные вопросы, она неожиданно исчезла. Это случилось с диккенсовским романом *«Холодный дом»*. Я целыми днями за ним охотилась.

Бабушка настаивала на определенных вещах. По воскресеньям я не могла читать те книги, которые читала в будние дни. По воскресеньям мне приходилось давать уроки маленькой дочери кучера. Я задавала ей учить стихи, слушала, как она их рассказывает, а затем проверяла, как она запомнила гимны и краткие молитвы, а также катехизис. И мне самой надо было выучить все это и рассказать бабушке.

Каждое воскресенье ко входу подъезжала большая «Виктория», и мы ехали в церковь. Обычно я сидела на маленьком сиденье напротив бабушки. Дорога длиной в шесть с половиной километров казалась мне слишком длинной, и меня почти всегда укачивало еще до того, как мы добились до церкви, как и на обратном пути.

В воскресенье мне нельзя было играть в игры, а по вечерам нас все еще ждал холодный ужин, хотя мы и не соблюдали дедушкино правило холодного приема пищи в середине дня.

Мадлен действительно удалось научить меня шить. Я подрубила бесчисленное множество кухонных полотенец и заштопала нескончаемое количество чулок. Мадлен неоднократно

доводила меня до слез, потому что я безумно ее боялась. Раньше мне нравилось кататься по заросшей мхом крыше нашего ледника, и мои белоснежные подштанники покрывались зеленью. Я ходила к бабушке до того, как пойти к Мадлен, зная, что бабушка будет меньше ругаться.

Мне не разрешалось читать в постели до завтрака, но поскольку летом я просыпалась в пять часов почти каждое утро и была, боюсь, весьма своевольным ребенком, то обычно прятала книжку под матрасом. Горе мне, когда Мадлен ловила меня за чтением!

Уже и не помню, почему ее так боялась. Оглядываясь назад, я осознаю, что это выглядит нелепо, но даже бабушка не знала о моем страхе, пока в четырнадцать лет я, всхлипывая, не призналась ей, когда мы гуляли по лесу. Каким же глупым это все кажется сегодня.

В те дни я отчаянно желала нескольких вещей. Помню, когда мне было около двенадцати, мистер Генри Слоан предложил отправиться в путешествие на запад с его дочерью Джесси. Я этого очень хотела, потому что Джесси мне нравилась и я мечтала о путешествиях. Но бабушка была непреклонна и не отпускала меня. Она это никак не объяснила. Достаточно было того, что она не считала это мудрым решением. Она так часто говорила нет, что я научилась жить под девизом «на самом деле мне этого не хочется», чтобы снова не сталкиваться с отказами и не испытывать разочарований.

Бабушка считала, что я должна научиться танцевать, и я начала посещать уроки хореографии у мистера Додсуорта. Такие занятия были обязательным атрибутом долгих лет, и многие маленькие мальчики и девочки учились польке и вальсу, аккуратно выстраиваясь на сияющих квадратах полированного паркета.

Бабушка решила, что из-за моего роста и, возможно, неловкости, мне не помешают уроки балета, поэтому я раз в неделю ходила к штатному преподавателю на Бродвее и училась танцевать на кончиках пальцев с четырьмя или пятью другими девочками, которые выходили на сцену, с нетерпением ждали возможности выступить и почти ни о чем другом не говорили, кроме балета, вызывая у меня сильную зависть.

Мне все нравилось, я усердно тренировалась и до сих пор ценю усилия, вложенные в некоторые танцы, которые выглядят так легко, когда их исполняют на сцене.

Глава 2

Юность

Я полюбила театр, и однажды Пусси взяла меня с собой посмотреть на великую итальянскую актрису Дузе, когда та впервые посетила нашу страну. Затем мы встретились лично, что тоже устроила тетя, – это волнение мне не забыть никогда. Очарование и красота Дузе олицетворяли собой все, что я только могла себе представить! Еще мне позволяли смотреть несколько пьес Шекспира и время от времени ходить в оперу, но мои юные тети и их друзья постоянно обсуждали те постановки, которые я ни разу не видела. В итоге однажды зимой я совершила преступление, которое долгое время лежало тяжелым бременем на моей совести.

Бабушка отправила меня на благотворительный базар вместе с одной из моих подруг. Я сказала служанке, что не надо со мной идти: мою подругу будет сопровождать ее помощница, которая и отведет меня домой. Вместо базара мы пошли на пьесу «Тесс из рода д'Эрбервиллей», которую обсуждали старшие и которую я совсем не поняла. Мы сидели на галерке и тряслись от страха, боясь встретить кого-то из знакомых. Не дождавшись окончания, мы покинули театр, зная, что иначе вернемся домой слишком поздно. Мне пришлось врать, и я так никогда и не созналась, что с радостью бы сделала из-за чувства вины, но тогда проблемы появились бы у моей подруги.

После смерти отца бабушка все реже и реже разрешала мне проводить время с его родственниками, Рузвельтами из Ойстер-Бей, так что с кузенами по папиной стороне я виделась редко. Но пару раз летом я ненадолго ездила в гости к тете Эдит и дяде Теду.

Элис Рузвельт, с которой мы были примерно одного возраста, была настолько утонченной и взрослой, что я относилась к ней с большим трепетом. Она добилась больших успехов в спорте, а у меня было так мало друзей ровесников, что я оказалась в очень невыгодном положении по сравнению с другими молодыми людьми.

Помню первый раз, когда мы пошли поплавать в Ойстер-Бей. Плавать я не умела, и дядя Тед сказал мне спрыгнуть с причала и хотя бы попытаться. Тогда я была настоящей трусихой, но все равно сделала это. Брызги полетели во все стороны, я нырнула и очень испугалась. С тех пор я больше никогда не решалась остаться без почвы под ногами.

Любимым занятием по воскресеньям было ездить к высокому песчаному утесу Купера с пляжем у подножья. Во время прилива вода почти доходила до обрыва. Дядя Тед выстраивал нас в линию, возглавлял нашу компанию, и мы спускались вниз, держась друг за друга, пока кто-нибудь не падал или не начинал так спешить, что цепь разрывалась. В каком-то смысле мы добирались до дна, скатываясь или разбегаясь.

В первый раз я безумно испугалась, но поняла, что все не так плохо, а потом мы долго шли обратно – на каждые два шага вперед приходился один шаг назад.

Я вспоминаю эти прогулки отчасти как большую радость, потому что мне нравилось бегать со всеми от дяди Теда среди стогов сена в сарае и подниматься в оружейную на верхнем этаже дома в Сагаморе, где он читал вслух, главным образом, стихи.

Иногда он брал нас на пикник или в поход и преподавал множество ценных уроков. Например, что поход – отличный способ узнать характер человека. Эгоисты очень быстро проявляли себя тем, что требовали лучшее спальное место или лучшую еду и не хотели выполнять свою часть работы.

Мой брат наслаждался всем этим больше, чем я, ведь он был того же возраста, что и Квентин Рузвельт, и после моего отъезда за границу бабушка разрешила ему чаще навещать дядю Теда и тетю Эдит. Моим поводом пообщаться с семьей Рузвельт были только ежегодные рождественские визиты, когда бабушка разрешала мне провести несколько дней с тетушкой Коринн.

Это был единственный период в году, когда я видела мальчиков своего возраста. Такие вечеринки приносили мне больше боли, чем радости. Все ребята хорошо знали друг друга и часто виделись. Все были лучше знакомы с зимними видами спорта. Я редко каталась с горки и никогда – на коньках, потому что мои щиколотки были очень слабы.

Танцевала я тоже неважно, а кульминацией любой вечеринки были танцы. Какие же неподходящие платья я носила: они все были выше колена. Конечно, я знала, что отличаюсь от остальных девочек, и даже если бы не знала, они бы честно об этом рассказали! До сих пор помню, как на одной из таких вечеринок я была благодарна своему кузену Франклину Рузвельту, когда он подошел ко мне и пригласил потанцевать с ним.

Думаю, я была большим испытанием и огромной ответственностью для тети Коринн, которая так старалась, чтобы каждый из нас приятно провел время. Но что она могла поделать с племянницей, которой не разрешали видеться с мальчиками в промежутках между этими вечеринками и которая была одета как маленькая девочка, хотя выглядела взрослой?

Внезапно моя жизнь начала меняться. Бабушка решила, что для пятнадцатилетней девочки дома стало слишком весело, и вспомнила, как мама хотела отправить меня учиться в Европу. Так начался второй период моей жизни.

Летом 1899 года я поехала в Англию вместе с тетей, миссис Стэнли Мортимер, и ее семьей. Она взяла меня в свою каюту и сказала, что плохо переносит морские путешествия, поэтому всегда сразу ложится спать, оказавшись на борту. Я подумала, что так и надо делать, поэтому последовала ее примеру. В итоге я не получила никакого удовольствия от поездки, большую ее часть проведя в каюте. Приплыв в Англию, я заметно покачивалась на ногах, потому что никогда до этого не оставалась в закрытом помещении так долго!

Я не знала свою прекрасную тетю Тисси так же хорошо, как и двух младших тетушек, но она мне нравилась и всегда хорошо ко мне относилась. Думаю, даже тогда ей было комфортнее в Европе и Англии, чем в США. У нее было много друзей в той маленькой лондонской компании, также известной под названием «Души». Она была одной из тех людей, которых лучше всего описывает слово «изысканный».

Меня отправили в школу мадемуазель Сувестр, «Алленсвуд», в небольшом местечке под названием Саутфилдс недалеко от Уимблдонской общины и чуть дальше от Лондона. Эту школу выбрали потому, что сестра моего отца, миссис Коулз, ходила в другую школу, основанную мадемуазель Сувестр в Ле Руш, что недалеко от Парижа, еще перед Франко-прусской войной. Осада Парижа была настолько тяжелой, что мадемуазель Сувестр покинула Францию и переехала в Англию.

Семья хотела убедиться в том, что директор школы хорошо присмотрит за мной, ведь меня оставят одну. Тисси отвезла меня к мадемуазель Сувестр, и я осталась с обещанием, что проведу с ней Рождество в Лондоне. Когда тетя уехала, я чувствовала себя потерянной и очень одинокой.

В школе было много правил, и первое заключалось в том, что всем следовало говорить по-французски, и если кто-то использовал хоть одно английское слово, то в конце дня сам должен был в этом признаться.

Моей первой няней была француженка, и я заговорила по-французски до того, как выучила английский, так что для меня это правило оказалось довольно легкой задачей, но для многих девочек-англичанок, которые до поступления почти не изучали французский язык, оно стало ужасным испытанием.

На внутренней стороне двери каждой ванной комнаты находились правила принятия ванны, и я была в шоке от того, что нам приходилось отвоевывать право мыться трижды в неделю всего по десять минут, если, конечно, не доставался последний промежуток, когда можно было урвать еще пять минут до того, как прозвучит: «Отбой!»

Утром, прежде чем выйти из комнат, мы должны были заправить кровати. После пробуждения полагалось снять постельное белье и повесить его на стул для проветривания. После завтрака происходил осмотр наших комнат, и нас оценивали по опрятности и тому, как мы заправляем кровати. Нередко проверяли наши комоды и шкафы, и любая девочка, которая не следила за порядком, вернувшись в свою комнату, могла увидеть все содержимое ящиков на своей кровати для дальнейшей расстановки. Я видела, как с кровати срывают покрывала и заставляют перестилать их заново.

День начинался с раннего завтрака – кофе с молоком, шоколада или молока, булочек и масла. Тем, кто хотел, давали еще яйца.

Мадемуазель Сувестр, седоволосая женщина в возрасте со слабым здоровьем, никогда не приходила на завтрак, но за нами хорошо присматривала мадемуазель Самайя, подвижная маленькая женщина, которая обожала мадемуазель Сувестр и прислуживала ей, не покладая рук. Она руководила всеми делами школы и давала уроки итальянского.

Чтобы расположить к себе мадемуазель Самайю, нужно было продемонстрировать деловые качества. Девочки, которых она выделяла и которым доверяла, были надежными, могли делать своими руками почти все что угодно, умели руководить и вести за собой сокурсниц.

Я долго завоевывала расположение мадемуазель Самайи, ибо была большой мечтательницей и американкой, что для нее было чем-то неизведанным.

Мадемуазель Сувестр, напротив, испытывала слабость к американцам и любила видеть их среди своих учеников. Несколько ее учениц выросли выдающимися женщинами. Тетушка Бай, например, была одной из самых интересных женщин, которых я когда-либо знала.

Мой дедушка Рузвельт впервые заинтересовался калеками и инвалидами, когда консультировался со множеством врачей, пытаясь хоть как-то помочь своей старшей дочери, тетушке Бай. У нее был не то чтобы горб, но довольно любопытная фигура, толстая в плечах, что, видимо, было вызвано искривлением позвоночника. Еще я помню ее красивые мягкие и волнистые волосы. Ее поистине прекрасные глаза были глубоко посажены и заставляли окружающих забыть обо всех остальных чертах лица.

Тетушка Бай мыслила как любой рассудительный человек. Ее переполняла жизнь, она всегда становилась центром внимания в любой компании и брала на себя бремя разговоров. Дожив до средних лет, она уже потеряла слух, и артрит причинял ей сильную боль, но недуги ни на секунду не могли пошатнуть ее дух. Чем сильнее они наседали, тем тверже тетя возвышалась над всеми трудностями, а обаяние и яркость ее личности, где бы она ни жила, превращали дом в место встречи людей из всех уголков земного шара.

Она была уравновешенна, обладала превосходными управленческими качествами и здравым смыслом, а ее влияние ощущали не только сестра и братья, но и все ее друзья. Она была источником вдохновения для молодых людей, с которыми общалась, и одним из самых мудрых советников, которых я когда-либо знала. Она слушала больше, чем говорила, но то, что она говорила, стоило услышать!

С самого начала мадемуазель Сувестр заинтересовалась мной из-за любви к Анне, и мой интерес к ней рос с каждым днем. Это переросло в теплую привязанность, которая продолжалась до самой ее смерти.

Мадемуазель Сувестр была низенькой и довольно коренастой женщиной с белоснежными волосами. У нее была красивая голова с четкими мощными чертами, властным лицом и широким лбом. Линия роста волос выступала вниз маленьким треугольником, а сзади ее локоны лежали натуральными волнами и собирались на затылке. Она видела людей насквозь и всегда знала больше, чем ей сообщали.

После завтрака нас всех обычно выводили на прогулку и, чтобы ее избежать, нужно было иметь веский повод! В ноябре становилось холодно и довольно туманно, ветер пронизывал до самых костей, но мы все равно шли гулять!

Дома я сбрасывала с себя некоторые предметы нижнего белья, которые бабушка заставляла меня носить с детства, но здесь, в Англии, опять начала носить одежду из фланели и, хотя у нас было непривычное мне центральное отопление, приходилось почти сидеть на батарее, чтобы хоть немного согреться. Лишь у немногих в спальнях были камины, и все остальные им завидовали.

Помню, как мы толпились в столовой, чтобы как можно ближе подобраться к батарее, прежде чем сесть за стол. Почти все девочки из Англии большую часть зимы страдали от обморожения рук и ног.

Занятия начинались сразу же после прогулки, и у каждой из нас было расписание на весь день: уроки, часы практики, время на подготовку – ни у кого не оставалось ни секунды на безделье. Сразу после обеда мы проводили два часа на тренировках, а в зимние месяцы большинство из нас играли в хоккей с мячом.

В спортивных играх я была неуклюжа, как обычно. До этого я никогда не видела, как играют в хоккей, но мне нужно было играть хоть во что-нибудь, и со временем я даже попала в команду. Тот день был одним из самых гордых моментов в моей жизни. Теперь я понимаю, что время, отданное хоккею, стоило посвятить игре в теннис, ибо потом это пригодилось бы мне больше.

Возвращаясь в четыре часа, мы видели на школьном столе большие ломти хлеба толщиной больше сантиметра, иногда с малиновым вареньем, чаще – с простым маслом. Тем, кто не отличался крепким здоровьем, давали стакан молока.

Затем мы учились до тех пор, пока не прозвенит звонок, который торопил нас переодеться к ужину. На то, чтобы сменить туфли, чулки и платье, давалось пятнадцать минут.

Один раз в неделю после четырех часов дня мы занимались починкой одежды – разумеется, под присмотром – в классной комнате.

По вечерам мы снова работали, хотя иногда нам разрешали спуститься в спортзал на танцы. Большинство уроков проходили на французском, хотя мисс Стрейчи, которая происходила из известной литературной семьи, давала нам уроки по Шекспиру. И конечно, у нас были немецкий язык, латынь и музыка.

Мадемуазель Сувестр вела уроки истории в своей библиотеке – чарующей и уютной комнате со стеллажами, заставленными книгами и цветами. Окна выходили на широкую лужайку, где деревья отбрасывали тень летом и служили удобными жердочками для грачей и ворон зимой.

Мы сидели на маленьких стульях по обе стороны от камина. Мадемуазель Сувестр держала в руках длинную указку, а на стене обычно висела карта. Мадмуазель расхаживала туда-сюда, читая лекцию. Мы вели конспект, но куда больше читали и искали информацию самостоятельно. Мы делали доклады по заданным темам и усердно трудились, готовя их. Эти занятия мы любили больше всех остальных.

Иногда некоторых из нас приглашали к мадемуазель Сувестр, и это были памятные вечера. Она обладала удивительным даром чтения и читала нам стихи, пьесы и рассказы, причем всегда на французском языке. Если стихи ей нравились, она могла перечитывать их по два-три раза, а потом требовала, чтобы мы читали их ей по очереди. Здесь моя натренированная дома память сослужила мне хорошую службу, и этот способ провести вечер казался мне восхитительным.

Я не знала, что бабушка и тети писали обо мне до моего приезда, поэтому мне казалось, что я начинаю новую жизнь, свободную от всех былых грехов. Впервые в жизни меня покинули страхи. Я жила по правилам и говорила правду, ведь стало нечего бояться.

У меня была вредная привычка кусать ногти. Вскоре это заметила мадемуазель Самайя и решила меня вылечить. Это казалось безнадежной задачей, но однажды я перечитывала письма

отца, которые всегда носила с собой, и наткнулась на то, в котором он говорил о пользе хорошего внешнего вида, и с того дня моим ногтям было позволено расти.

К первым рождественским каникулам я начала чувствовать себя в школе как дома и была счастлива. Сочельник и само Рождество я провела с семьей Мортимеров в лондонском отеле «Кларидж». У них было только маленькое рождественское деревце на столе в гостинице, и это казалось мне неправильным. Дома у нас всегда была большая елка, но тетушка Тисси позаботилась о том, чтобы у меня был свой праздничный чулок и много подарков и чтобы день в целом прошел удачно.

Меня пригласили провести несколько дней с миссис Вулрич-Уитмор и ее семьей на севере Англии. Ее муж работал настоятелем церкви в Бриджнорте, что в Шропшире. У них было пять маленьких дочерей, и одна или две из них примерно моего возраста. Миссис Вулрич-Уитмор приходилась сестрой Дугласу Робинсону и крепко держалась за свои американские связи, так что я чувствовала себя настоящей родственницей: меня тепло приняли и обращались со мной как с родной дочерью. Я наслаждалась каждой минутой этого визита, который позволил мне впервые взглянуть на английский быт.

На завтрак на одном из буфетов выставляли еду на тарелках под крышками. Они стояли на подставках со свечами, чтобы еда дольше оставалась горячей, и каждый угощался тем, что пожелает. Полдник подавали в классной комнате около половины пятого. Иногда к нам присоединялся отец детей, и все вместе мы ели хлеб, варенье, пирожные и пили чай. Самые голодные могли взять яйцо. Долгие прогулки и поездки, бесконечные игры и книги под рукой в любую свободную минуту наполняли мою жизнь в те дни, что я провела в гостях.

Я приехала одна, и возвращаться мне предстояло одной. Мы долго обсуждали, как мне добраться до Парижа, чтобы еще раз повидаться с тетушкой Тисси, прежде чем она уедет в Биарриц. До конца каникул я должна была жить во французской семье, чтобы изучать язык.

В конце концов решили воспользоваться одним из английских изобретений – приглашенной служанкой с хорошими рекомендациями, которая сопровождала бы меня из Лондона в Париж. Я никогда ее не видела, но без труда узнала на вокзале, и мы поехали в Париж.

Сегодня я искренне удивляюсь своей уверенности и независимости, потому что в той новой фазе жизни была абсолютно бесстрашна. Путешествие через Ла-Манш оказалось недолгим, и мне удалось найти продуваемый ветром уголок, чтобы избежать морской болезни, но я была так рада, пройдя таможенную и оказавшись на французской земле, что свернулась калачиком в купе поезда, а после пила кофе с молоком из больших банок, которые носили взад и вперед по платформам.

В Париж мы приехали рано утром. Служанка сопровождала меня до отеля, в котором остановилась тетя. Я провела с ней несколько часов, после чего меня забрала мадемуазель Берто. На самом деле мадемуазелей Берто было две, а еще с ними пришла их мать. Они жили в простой, но удобной квартире в одной из не самых фешенебельных частей Парижа, и это стало моей первой возможностью познакомиться с бытом французов.

Мебель, насколько я помню, была мягкой и совершенно неизвестного периода. Ванной комнаты, конечно же, не оказалось, а горячую воду приносила *bonne à tout faire* – «служанка на все руки» – по утрам и вечерам. При желании можно было воспользоваться маленьким круглым жестяным тазом.

Кормили очень хорошо, но эта еда отличалась от всего, что я пробовала раньше. Супы были восхитительны, а дешевое мясо приготовлено так замечательно, что его вкус не уступал нашим более дорогим отрезам. Овощи подавали как самостоятельное блюдо. Все места за столом сервировали маленькой стеклянной подставкой для ножа и вилки, которые не уносили вместе с тарелкой после каждого блюда. Хозяйство велось крайне бережливо, но все равно семья жила хорошо. Две мадемуазели Берто были превосходными гидами и очаровательными интеллигентными женщинами.

Широкие проспекты, красивые общественные здания и церкви – все это делало Париж самым восхитительным городом, в котором я когда-либо бывала. Большую его часть я посмотрела с мадемуазель Берто во время первого визита, но в основном мы делали то, что положено делать туристам, а не то, что потом стало олицетворять для меня истинную прелесть Парижа.

Мадемуазель Сувестр позаботилась, чтобы в Англию я отправилась под надзором мадемуазель Самайи, и после восхитительных каникул я вернулась в школу с надеждой, что у меня будет еще один шанс остановиться у семьи Берто.

Сама школьная жизнь не отличалась разнообразием, но во внешнем мире царил великое волнение. Я почти не помнила об Испано-американской войне 1898 года, хотя много слышала о гибели крейсера «Мэн», о дяде Теде и его «Мужественных всадниках». Бабушка и ее семья жили вне политических кругов того времени и мало интересовались общественными делами. Но я помню радость и волнение, когда вернулся дядя Тед и отправился в Олбани в статусе губернатора Нью-Йорка.

В газетах писали о скандалах и сражениях, но эта война едва ли затронула мою повседневную жизнь.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. носила для англичан более серьезный характер, и волнение страны вскоре отразилось на школе. Сначала все были уверены в быстрой победе, но затем последовали месяцы беспокойства и упорного «наступления» перед лицом неожиданного и успешного противостояния со стороны буров.

Многие люди не верили в праведность дела англичан, и мадемуазель Сувестр входила в их число, но никогда не навязывала свое мнение ученицам из Англии. С нами она не обсуждала ни хорошие, ни плохие аспекты войны. Победы отмечали в спортзале, и праздники не были под запретом, но мадемуазель Сувестр не принимала участия ни в одной демонстрации. Она оставалась в библиотеке, собирая вокруг себя девушек из США и других стран. Им она излагала свои теории о правах буров или малых народов в целом. Эти долгие беседы были интересны, а их отголоски до сих пор живы в моей памяти.

Я освоилась в школе, и вскоре мадемуазель Сувестр начала усаживать меня за стол напротив нее. Девочка, занимавшая это место, принимала ее кивок в конце трапезы и, вставая, подавала знак остальным ученицам подняться и покинуть столовую. В этой роли я находилась под пристальным наблюдением, поэтому обзавелась несколькими привычками, от которых так и не смогла избавиться.

Мадемуазель Сувестр всегда говорила, что не стоит брать больше, чем хочется, но съесть нужно все, что лежит у тебя на тарелке, и я следовала этому правилу. Некоторые английские блюда мне очень не нравились, например, пудинг на сале. Он выглядел противно и создавал впечатление чего-то сырого, холодного и липкого. К пудингу подавалась патока, которой его следовало поливать, а моей единственной ассоциацией с патокой был «*Николас Никльби*», что не делало десерт привлекательнее. Мадемуазель Сувестр считала, что мы должны преодолеть эту брезгливость и есть всего понемногу, поэтому я давилась, сидя рядом с ней за столом, и отказывалась от блюда в ее отсутствие.

Но в этом были и свои преимущества, потому что иногда мадемуазель Сувестр подавали особые блюда, и она делилась ими с тремя или четырьмя девочками, сидевшими рядом. Когда к ней приходили гости, мы садились по обе стороны от нее и без труда подслушивали интересные разговоры.

Думаю, именно тогда у меня появилась неискоренимая дурная привычка. Часто в разговоре с мадемуазель Сувестр я использовала то, что подслушала из ее беседы с друзьями, но на самом деле не знала того, о чем говорила. Мадемуазель Сувестр обычно радовалась моему интересу и не расспрашивала меня, так что я утаивала свое невежество.

Взрослея, я все чаще и чаще пользовалась быстротой своего ума, чтобы копаться в чужих головах и выдавать их знания за собственные. Спутник за обеденным столом или случайный

знакомый рассказывал мне то, что я могла использовать в разговоре, и мало кто подозревал, как плохо я на самом деле разбираюсь в темах, о которых говорю с такой легкостью.

Эта дурная привычка так притягательна, что, надеюсь, мало кто из детей ее приобретет. Но у нее есть одно большое преимущество: она позволяет собирать информацию о самых разных предметах и неизмеримо увеличивает круг ваших интересов, пока вы продвигаетесь по жизни.

Разумеется, позже я обнаружила: чтобы научиться действительно разбираться в вопросе, придется покопаться.

Приближались летние каникулы, и мое волнение росло, ведь мне предстояло отправиться в Швейцарию, в Санкт-Мориц, чтобы провести время с Мортимерами.

Когда я впервые увидела эти прекрасные горы, у меня перехватило дух, ибо никогда раньше я не видела таких высоких хребтов. Летом я жила напротив гор Катскилл и очень их любила, но насколько же величественнее были эти огромные заснеженные вершины вокруг нас, когда мы въезжали в Энгадин. Маленькие швейцарские шале, построенные прямо на холмах, с загонами для скота, который не забредал на кухню чуть ниже по склону, выглядели очень живописно и странно из-за своего резного убранства.

Я оказалась совсем не готова к Санкт-Морицу с его улицами, полными гранд-отелей, сужающимися до скромных пансионов и маленьких домиков, разбросанных повсюду для пациентов, которым предстояло жить в этом городке долгое время.

Все отели стояли на берегу озера, и ярче всего мне запомнилось то, как мы с Тисси каждое утро вставали рано и шли в маленькое кафе, примостившееся на мысе над одним концом озера. Там мы пили кофе или какао и ели булочки со свежим маслом и медом, а солнце только выглядывало из-за гор и касалось нас теплыми лучами. До сих пор помню, какой довольной я была!

В конце лета Тисси сказала, что хочет заказать карету из Санкт-Морица через австрийский Тироль в Обераммергау, где идет «Страстная пьеса». Она брала с собой подругу, и я могла поехать с ними, если меня устроит сидеть рядом с кучером на козлах или на скамеечке напротив обеих дам. Я была готова ехать, сидя на чемоданах, так меня будоражила перспектива увидеть «Страстную пьесу» и всю эту новую для меня страну.

Нам досталась карета «Виктория» всего лишь с одной лошадью. Большую часть пути мы ехали через гористую местность, и когда дорога становилась крутой, я шла пешком, так что продвигались мы медленно и вдоволь насладились пейзажами.

Я все еще считаю австрийский Тироль одним из самых чудесных мест в мире. Мы провели ночь в маленькой гостинице, где останавливался «сказочный король» Баварии Людвиг, когда приезжал ловить рыбу в стремительном ручье, который мы еще недавно видели под своими ногами. Мы посетили его замки и наконец прибыли в Обераммергау.

Это был вечер перед спектаклем, и все номера были забиты, поэтому наши комнаты оказались отделены друг от друга и находились в простых деревенских домиках. Мы обошли всю деревню и заметили людей, которых нам предстояло увидеть на следующий день в «Страстной пьесе». Они сидели в маленьких лавочках и продавали резные фигурки, сделанные собственноручно зимой.

«Страстная пьеса» прерывалась лишь тогда, когда людям нужно было перекусить, поэтому мы сидели на своих местах долгими часами. Мне понравилось, хотя теперь я понимаю, что была всего лишь уставшим ребенком, ведь после обеда уходила спать и не могла вернуться до конца второй части, потому что во время пьесы никому не разрешалось двигаться или шуметь.

Потом поехали в Мюнхен, следом обратно в Париж, а после я вернулась в школу.

На Рождество 1899 года я должна была исполнить свое желание и вместе с одноклассницей провести все каникулы в Париже с мадемуазель Берто.

Мы должны были каждый день брать уроки французского языка и осматривать достопримечательности, поэтому нас всегда сопровождали, и дни были тщательно спланированы. Я узнавала Париж, чувствовала, что могу в нем ориентироваться и решить, чем хочу заниматься, когда у меня появятся свободные дни.

Когда наш визит подходил к концу, мадемуазель Сувестр приехала в Париж, и мы отправились с ней повидаться. Она расспросила нас об успехах в учебе и откровенно сказала, что думает о моих нарядах, многие из которых были сшиты на заказ моими молодыми тетушками. А потом приказала мне поехать вместе с мадемуазель Самайей и заказать хотя бы одно платье в ателье.

Я всегда беспокоилась о своих карманных деньгах, потому что, по мнению бабушки, мы, дети, не должны знать, пока не вырастем, сколько у нас сбережений. И нам стоит экономить, ведь бабушка может потерять возможность присылать нам деньги. Но я решила: раз уж мадемуазель Сувестр считает, что мне нужно новое платье, так тому и быть. До сих пор помню, как радовалась, надев этот темно-красный наряд, сшитый специально для меня в маленьком парижском ателье. Наверное, оно называлось «Уорт», потому что для него был характерен весь тот шик моего первого французского платья.

Я носила его по воскресеньям и как повседневный вечерний наряд в школе. От него я получала больше удовольствия, чем от любого другого платья, которое у меня было с тех пор.

Я помню одно важное событие зимы 1901 года – смерть королевы Виктории. Благодаря связям с Робинсонами я смогла посмотреть на похоронную процессию из окон дома, принадлежащего одному из них. Это был напряженный день, начиная с толпы людей на улицах и сложностей, связанных с прибытием к месту назначения, и заканчивая долгим ожиданием самой процессии. Я мало что помню о многочисленных экипажах, которые составляли эту процессию, но никогда не забуду то искреннее чувство, которое выражали толпы людей на улицах, или тишину, образовавшуюся, когда в поле нашего зрения появился лафет с самым маленьким гробом, который я когда-либо видела. Вряд ли можно было найти хоть одного человека, который смог сдержать слезы, когда эта медленная процессия проходила мимо него. И я ни на секунду не забывала ту великую эмоциональную силу, которая, кажется, взбудоражила всех нас, когда королева Виктория, такая маленькая в своем физическом проявлении, но такая большая в выражении преданности своему народу, навеки покинула нашу жизнь.

К следующей Пасхе мадемуазель Сувестр решила взять меня с собой в путешествие. Это оказалось одним из самых судьбоносных событий за все время моей учебы. В планах было отправиться в Марсель, проехаться вдоль средиземноморского побережья, остановиться в Пизе, а затем провести некоторое время во Флоренции, живя там не в городской гостинице, а у друга-художника мадемуазель Сувестр во Фьезоле, в вилле на возвышенности с видом на флорентийские пейзажи.

Путешествия с мадемуазель Сувестр стали настоящим откровением. Она делала все то, что каждый из нас в глубине души хотел сделать. В Марселе мы прогулялись по набережной, посмотрели на лодки, приплывшие из иностранных портов, увидели несколько небольших рыбацких лодок с разноцветными парусами и поднялись в маленькую церковь, где совершались приношения Пресвятой Богородице за спасение тех, кто находится в море. В этой церкви была святыня, возле которой люди молились за исполнение некоторых особых желаний, калеки вешали свои костыли, прихожане приносили в жертву золото, серебро и драгоценные камни.

Мы закончили ужином в кафе с видом на Средиземное море и съели блюдо под названием «Буйабес», которым славился Марсель. Это своего рода суп из всевозможных видов рыбы и морепродуктов, которые можно поймать в близлежащих водах. К нему мы заказали *vin rouge du pays* (местное красное вино), потому что мадемуазель Сувестр была убеждена: если питьевая вода не вызывает доверия, вино пить безопаснее, а если разбавить его водой, оно уничтожит микробов.

На следующий день мы отправились в путешествие по берегам Средиземного моря. Я хотела выйти почти на каждой остановке, название которой казалось мне знакомым, но мы направлялись в Пизу, и мне, ребенку, который регулярно путешествовал из Нью-Йорка в Тиволи и обратно, даже в голову не приходило, что можно менять планы прямо в пути.

Ближе к вечеру кондуктор внезапно выкрикнул: «Алассио!» Мадемуазель Сувестр, затаив дыхание, высунулась из окна и сказала: «Я собираюсь сойти». Она велела мне забрать сумки, которые лежали на верхних полках, и мы просто вывалились на платформу вместе с вещами, а поезд отправился дальше по своему маршруту. Я была в ужасе. Наши сундуки поехали дальше в багажном вагоне, а мы стояли на перроне в незнакомом месте из-за спонтанной прихоти.

Когда мы отдышались, мадемуазель Сувестр сказала: «Здесь живет моя подруга, миссис Хамфри Уорд, и я решила с ней увидеться. А еще у Средиземного моря чудесный синий цвет по ночам, будет здорово полюбоваться звездным небом с берега».

Увы, миссис Уорд не оказалось дома, но мы все равно прекрасно провели час на берегу, разглядывая небо и море, и, хотя мадемуазель Сувестр простудилась на следующий день, она не пожалела о своем решении, а я получила ценный урок. Тогда я перестала быть тем суровым маленьким человеком, которым была прежде.

Вспоминая поездки с мадемуазель Сувестр, я осознаю, что она научила меня любить путешествия. Ей нравился комфорт, она наслаждалась хорошей едой, но всегда старалась отправиться туда, где можно встретить местных жителей, а не своих соотечественников.

Каждый раз она пробовала местные блюда и пила местные вина. По ее мнению, наслаждаться хорошей итальянской едой так же важно, как и итальянским искусством, и все это нужно для того, чтобы чувствовать себя как дома в любой поездке, зная, что можно посмотреть и как себя развлечь. Она внушала мне важность изучения иностранных языков ради удовольствия, которое человек теряет, приехав в новую страну и оказавшись сразу глухим и немым.

Еще мадемуазель Сувестр научила меня тому, что молодых людей можно сделать ответственными, только если возложить на них реальную ответственность. Она была уже дамой в возрасте, а мне исполнилось шестнадцать лет. Я отвечала за упаковывание и распаковывание как своих, так и ее вещей, когда мы отправлялись в путь. Я изучала расписание поездов, покупала билеты, делала все необходимые приготовления для комфортного путешествия. Хотя в первые дни замужества я отчасти утратила уверенность и способность заботиться о себе, позже мне было легче все это вспомнить благодаря поездкам с мадемуазель Сувестр.

Во Флоренции мы обосновались надолго. Весна во Флоренции – чудесное время, и мне показалось, что привкус античности свойственен ей больше, чем любому другому городу, который я посещала до этого. Я усердно читала Данте, и во время прогулок по городу мое воображение дорисовывало сцены из книги. И снова доверие мадемуазель Сувестр к американцам сделало мое путешествие уникальным. На следующее утро после нашего приезда она достала «Бедекер», открыла его и, прочитав описание Кампанилы Джотто, сказала: «Моя дорогая, я очень устану, если пойду с тобой, но единственный способ по-настоящему узнать город – пройтись по его улицам. Флоренция того стоит. Возьми с собой «Бедекер» и пойди осмотришь. Потом обсудим увиденное».

Итак, шестнадцатилетняя, более наблюдательная, чем когда-либо, и более чуткая к красоте, я отправилась на прогулку, чтобы в одиночестве посмотреть на Флоренцию. Невинность – это защита сама по себе. Мнение мадемуазель Сувестр подтвердилось целиком и полностью. Возможно, она поняла, что я не обладаю красотой, привлекательной для иностранцев, и смогу избежать их ухаживаний. В любом случае, каждый на моем пути был готов помочь. Даже когда я заблудилась в узких улочках и спрашивала дорогу, ко мне относились с величайшим уважением и почтением.

Из Флоренции мы отправились в Милан, а потом в Париж, где я снова пошла осматривать достопримечательности в одиночестве. А в Люксембурге я встретила всю семью Томаса Ньюболда, и они написали домой, что в Париже я гуляла без сопровождения!

Я вернулась в школу на некоторое время, а потом началось лето, вместе с которым пришло большое волнение, потому что Пусси приехала в Европу с семьей Мортимеров, и мы с тетей должны были вместе отплыть домой.

За две ночи до отплытия я остановилась у нее в Лондоне и впервые ощутила на себе ее эмоциональный кризис. В последующие годы мне предстояло не раз столкнуться с чем-то подобным. В тетю Пусси всегда были влюблены мужчины – не всегда это было мудро, но стабильно глубоко!

В тот конкретный момент ей казалось, что она навсегда расстанется со своим счастьем, ведь ее разлучили с настоящим джентльменом. Я почти всю ночь не спала, слушая ее рыдания и уверения, что она прыгнет за борт, так и не добравшись до дома. Юная и романтичная, я провела большую часть пути домой, гадая, когда же тетя, наконец, решится, и наблюдала за ней так пристально, как только могла. Мы делили каюту на медленном пароходе Atlantic Transport Line. Настроение у Пусси было отнюдь не безмятежное, но к тому времени, как мы добрались до дома, она немного успокоилась.

Глава 3

Снова домой

Это лето было бурным. В один из дней Пусси рассердилась на меня. Она откровенно сказала, что у меня вряд ли когда-нибудь появится такой кавалер, как у остальных женщин в семье, потому что я – гадкий утенок. В довершение она рассказала мне несколько болезненных и печальных фактов о последних годах жизни моего отца. Это сочетание очень меня расстроило, и миссис Генри Пэриш-младшая, с которой я проводила время в Нортист-Харбор, старалась меня утешить как могла. Она изо всех сил развлекала меня, но я никого не знала в Нортисте и не умела ладить с местными молодыми людьми. Все здесь отличалось от школьной жизни в Англии, которой я тогда была поглощена.

Я хотела вернуться к учебе и дальше путешествовать по Европе. После долгих просьб и настойчивых требований мне наконец разрешили поехать, если я найду, у кого остановиться.

Я отправилась в Нью-Йорк, где Пусси и Мод помогли мне заказать первый длинный комплект у портного. Юбка волочилась по земле и была оксфордского серого цвета. Я ужасно ей гордилась.

Я попросила дьяконицу сопроводить меня на пути в Лондон и, оглядываясь назад, понимаю, что это был один из моих самых смешных и безумных поступков, потому что родственники впервые увидели дьяконицу, когда пришли проводить меня. Она выглядела rispettable, но с тем же успехом я могла пересечь океан в одиночестве, потому что путь оказался нелегкий, а мы со спутницей не виделись до дня прибытия.

На маленьких кораблях фирмы Cunard, распространенных в те дни (кажется, мы плыли на «Умбри»), тяжелый морской рейс подразумевал под собой, что пароходные кресла, если они вообще были, привязывали к перилам. На столах были полки, и во время ходьбы возникало чувство, будто поднимаешься в гору или, наоборот, спускаешься вниз.

Со времени первого путешествия я кое-чему научилась и, несмотря на морскую болезнь, всегда выходила на палубу и часами сидела, наблюдая за тем, как поднимается и опускается горизонт. Ела тоже по большей части там.

Мы с дьяконицей отправились в Лондон, в большой отель, представлявший собой караван-сарай. На следующий день я пошла в школу, аккуратно передав обратный билет и деньги на оплату гостиничного счета своей спутнице, о которой заботилась и которую редко видела. Ее целью было успокоить мою семью тем, что меня сопровождали должным образом.

В школе оказалось интересно как никогда. Мадемуазель Сувестр была рада моему возвращению, и в тот год я познакомилась с юной кузиной, которая только что поступила на учебу. Мистер и миссис Дуглас Робинсон привезли свою дочь Коринн и оставили ее с мадемуазель Сувестр. Коринн была младше меня и оказалась очень умной девочкой, которая вскоре завоевала интерес и уважение мадемуазель Сувестр. В легкой атлетике Коринн оказалась намного лучше меня и свое место среди девочек нашла быстрее, чем я.

Приезд в Лондон тети Коринн и дяди Дугласа очень меня радовал, ведь нам разрешалось иногда уезжать на выходные и часто в субботу днем, если поблизости находился наш родственник, который мог взять нас с собой. Я ездила в Лондон по крайней мере один или два раза, чтобы повидать тетю Коринн. Позже тетушка Бай тоже оказалась там.

Единственное, о чем я сожалела, – это что домой пришлось ехать до коронации короля Эдуарда VII, потому что все были в Лондоне, где дядя Тед собирался присоединиться к ним и выступить в роли специального посла от нашего правительства.

На рождественские каникулы 1902 года мадемуазель Сувестр взяла меня с собой в Рим. Мы отправились в *пансион* в одном из старых дворцов с огромными комнатами и высокими

потолками. Мы радовались их красоте, но чуть не замерзли, пытаясь согреться возле маленькой переносной печки, внутри которой виднелось несколько тлеющих красных углей.

Мы много раз осматривали Форум. Мадемуазель Сувестр садилась на камень под солнцем, рассказывала об исторических событиях и о том, как римляне расхаживали здесь в своих тогах, указывала на место, в котором, возможно, убили Юлия Цезаря, заставляя нас почувствовать себя в самом центре древней истории. Мы смотрели, как люди на коленях взбираются на «Святую лестницу», и я, глупая маленькая англосаксонская девочка, чувствовала себя неловко!

Однажды мы отправились в Тиволи с его прекрасными садами и маленькой прорехой в живой изгороди, через которую открывался вид на Рим вдалеке.

Собор Святого Петра стал для меня страшным разочарованием, потому что я помнила, как маленькой девочкой целовала носок огромной героической статуи. Моя няня тогда придерживала меня, чтобы я смогла это сделать, но теперь статуя оказалась такой маленькой, что мне пришлось бы сильно наклониться, чтобы поцеловать ее палец.

Когда наступила Пасха, мадемуазель Сувестр снова попросила меня отправиться с ней в путешествие. На этот раз мы переправились через Ла-Манш и остановились неподалеку от Кале у ее друзей Риботов, живших в доме, в который можно попасть через сад. Мы потянули за длинную железную ручку, и по дому пронесся веселый звон. Через пару минут мы попали в просторный и уютный сад, окруженный высокой стеной – символом уединения, к которому французы стремятся даже в городских домах.

Не помню название того маленького городка, но помню, как в одиночестве выбиралась посмотреть на церкви и на другие достопримечательности. Я испытала своего рода трепет перед двумя достойными и очень добрыми людьми, которые согласились принять нас у себя дома. Позже в премьер-министре Франции я узнала хозяина этого дома.

Оттуда мы направились в Бельгию и навестили некоторых других друзей мадемуазель Сувестр, совершив долгое путешествие в карете. Затем мы проехали вверх по Рейну до Франкфурта.

Приближалось лето, и я знала, что скоро мне придется надолго вернуться домой. Мадемуазель Сувестр стала одним из самых дорогих мне людей, и сама мысль о продолжительной разлуке казалась невыносимой. Я бы многое отдала, чтобы потратить еще год на учебу, но бабушка считала восемнадцать лет самым временем «выйти в свет», и вариант «не выйти» даже не рассматривала.

Уезжая, я была уверена, что скоро вернусь, но теперь понимаю, что мадемуазель Сувестр, зная о своих недугах, почти не надеялась увидеть меня снова. Она писала мне прекрасные письма, которыми я до сих пор дорожу. Они отражают теплые отношения между нами и дают представление о прекрасном человеке, который оказал наибольшее после моего отца влияние на этот период моей жизни.

Я вернулась в Тиволи, в бабушкин загородный дом, и провела там все лето. Это было не самое счастливое лето, потому что, пока меня не было, мой дядя Валли, который был так добр ко мне в детстве, стал заядлым пьяницей. Бабушка не верила, что он не собирается бросать это дело, как обещал после каждого загула, но младшие члены семьи понимали серьезность ситуации. Дядя явно усложнял им жизнь.

Пусси часто отсутствовала. Мод была замужем за Ларри Уотербери, Эдди женился на Джози Забриски и, как и Валли, выпивал. Это был мой первый живой контакт с потерявшим всякую волю человеком, и после этого я начала несколько фанатично думать, что надо держать любые желания под контролем.

Я была серьезной маленькой девочкой. Годы, проведенные в Англии, позволили мне распробовать беззаботность и безответственность, но возвращение домой, в Соединенные Штаты,

почти сразу вернуло меня на серьезную сторону. То первое лето, увы, не дало мне стать веселой и радостной дебютанткой.

Из-за Валли бабушка почти перестала общаться с соседями, и мы жили довольно изолированно. Никого из близких семье друзей не приглашали поужинать или провести с нами время, чтобы они не узнали о нашей ситуации.

Той осенью мой младший брат отправился в школу-интернат. Мы с бабушкой отвезли его в Гротон. Она к тому времени была уже стара, и настоящая ответственность за брата скоро перешла в мои руки. Бабушка ни разу не навестила его в школе, и я стала приезжать к нему каждый семестр на выходные, как и положено хорошим родителям. Это продолжалось все шесть лет, пока он там учился, и годы спустя я так же приезжала к собственным сыновьям.

Той осенью я переехала в старый дом на 37-й Западной улице. Теоретически бабушка тоже там жила, но на практике она была в Тиволи, тщетно пытаясь удержать Валли рядом и оградить его от алкоголя.

Мы с Пусси, моей единственной незамужней тетей, жили вместе. Она была не менее красива, чем в моем детстве, и так же популярна, поэтому любовные интриги то и дело опустошали ее эмоциональный фон. Она усердно посещала светские ужины и танцевальные вечера, как любая дебютантка, один круг за другим.

Конечно, бабушка не могла помочь с моим «выходом», но мое имя автоматически внесли во все списки. Меня приглашали на всевозможные приемы, но первым, где я побывала, был бал дебютанток Assembly Ball, куда меня привели кузены, мистер и миссис Генри Пэриш-младший.

Моя тетя, миссис Мортимер, купила мне довольно хорошую одежду в Париже, но во мне не было ничего, что могло бы привлечь внимание молодых людей. Я выросла высокой, но не умела танцевать. Я потеряла связь с девочками, с которыми общалась до отъезда за границу, хотя потом восстановила некоторые отношения. Я вошла в бальный зал, не зная ни одного мужчины из присутствующих, кроме Боба Фергюсона, с которым мы редко виделись с тех пор, как я уехала, и Форбса Моргана – одного из самых пылких поклонников Пусси.

Не думаю, что я заранее понимала, какой это будет страшной пыткой, иначе у меня не хватило бы смелости туда пойти. Боб Фергюсон представил мне нескольких друзей, но я ни за что не могла вообразить себя популярной дебютанткой!

Я рано отправилась домой, радуясь возможности уйти, поскольку знала, что перед походом на вечеринку или на танцы мне нужно найти двух партнеров: одного на ужин, другого – на котильон. Девушку, которая пользовалась успехом, приглашали сразу несколько мужчин, и она могла принять предложение от понравившегося человека. Такие партнеры были обязательным условием, а еще ее должны были выбрать молодые люди, чтобы станцевать каждую фигуру в котильоне, и популярность девушки измерялась количеством мужчин, которые проявили к ней интерес. Пусси всегда меня в этом обходила! Я оказалась первой девушкой в семье моей матери, которая не выросла красавицей, и втайне мне было очень стыдно.

Позже мистер и миссис Мортимер устроили для меня большой театральный вечер и ужин с танцами в Sherry's, самом модном ресторане тех дней. Так у меня появилось ощущение, что я выполнила свою часть обязанностей по развлечениям, целый вечер принимая гостей вместе с тетей и не испытывая беспокойства. Той зимой мы с Пусси устроили несколько обедов и ужинов в доме на 37-й улице.

Мало-помалу я обзавелась друзьями и уже не так боялась выходов в свет. Но в ту первую зиму, став дебютанткой, я едва не пала жертвой нервного расстройства. У меня в голове крутились мысли, отличные от общественной жизни. Я управляла домом, насколько могла, потому что Пусси была еще более темпераментной, чем в юности, а ее любовные похождения становились все серьезнее. Бывали дни, когда она запиралась в своей комнате, отказывалась есть, и часами плакала.

Время от времени Валли приходил в дом с одной-единственной целью: развлечься по полной программе. Пусси не могла справиться с ним, поэтому я сама разбиралась с ситуацией. Должно быть, о себе давала знать определенная сила и решимость, которые лежали в основе моей робости, потому что я лучше справлялась со многими сложностями, чем Пусси, которая была примерно на четырнадцать лет старше меня.

Но в ту зиму произошло и много приятных событий. Благодаря музыкальному таланту Пусси поддерживала связь с артистами, и мне нравилось слушать ее пьесы и ходить с ней в театр, на концерты и в оперу. Боб Фергюсон, который вел в Нью-Йорке приятную холостяцкую жизнь и имел много друзей, познакомил меня в тот год с художницей Бэй Эмметт и некоторыми из ее друзей, и я была рада, что мы с Бобом восстановили былую дружбу. Он считал, что имеет право привозить меня домой после вечеринок, которые мы посещали вместе, что было для меня большим облегчением, ведь в противном случае меня ждала горничная – это было одно из правил, установленных бабушкой. Оно забавляет меня, когда я вспоминаю, как весело было гулять по европейским городам в полном одиночестве. Бабушка приняла Боба в качестве моего спутника, но даже слышать не хотела о том, чтобы кто-то еще имел такую же привилегию.

Боб брал меня с собой на вечеринки в студию Бэй Эмметт, где я могла в неформальной обстановке познакомиться с людьми, достигшими успехов в области искусства и литературы. Мне это нравилось гораздо больше, чем официальные обеды и танцы, которые я каждый вечер с трудом выдерживала, но мне не хотелось оставаться в стороне, потому что меня все еще преследовал призрак моего воспитания, и я верила, что так называемое Нью-Йоркское общество действительно важно.

Еще в то время я начала видаться со своим кузеном Франклином Рузвельтом, который учился в колледже, и с его кузеном Лайманом Делано, другими членами его семьи и некоторыми друзьями по колледжу. Думаю, матери Франклина, миссис Джеймс Рузвельт, было меня жалко.

Миссис Рузвельт и ее муж, скончавшийся в 1900 году, очень любили мою мать и особенно отца, вместе с которым однажды пересекли океан на пароходе, когда он начинал кругосветное путешествие. Они его так обожали, что после рождения Франклина попросили моего отца стать его крестным.

Когда мне было два года, родители взяли меня с собой погостить у Рузвельтов в Гайд-парке. Позже свекровь рассказала мне, что помнит, как я стояла в дверях с пальцем во рту, мама называла меня «старушкой», а Франклин катал меня по детской на спине. Мое первое воспоминание о Франклине относится к одной из оранжевых рождественских вечеринок, а более позднее – к тому лету, когда я вернулась домой из школы и поехала в Тиволи в вагоне поезда Нью-Йоркской центральной железнодорожной компании. Франклин заметил меня и отвел к своей матери, которая сидела в пульмановском вагоне. Больше я его не видела до тех пор, пока он не начал время от времени приходить на танцы в ту зиму, когда я вышла в свет и меня стали приглашать на домашние вечеринки в Гайд-парке, где в числе гостей были в основном кузены Франклина.

Летом я уже не так часто бывала в Тиволи. Там я проводила часть своего времени, но регулярно ходила в гости, потому что у меня появилось много друзей, и миссис Пэриш была как всегда добра ко мне. Осенью, в мои девятнадцать, бабушка решила, что не может позволить себе открыть нью-йоркский дом, и встал вопрос, где мы с Пусси будем жить. Миссис Ладлоу пригласила Пусси к себе, а миссис Пэриш предложила мне поселиться у нее.

За прошедший год я повзрослела и решила, что не стану тратить следующий год на одни светские рауты, тем более жизнь с кузиной предполагала меньше случайных развлечений, чем дом на 37-й улице. Миссис Пэриш все еще соблюдала уйму формальностей и была пунктуальной, а последнее перестало быть одной из моих сильных сторон.

Кузина Сюзи (миссис Пэриш) сказала, что иногда мне можно приглашать гостей на чай в маленькую приемную на втором этаже, но я не думала, что могу пригласить кого-нибудь на обед. Зато у меня была горничная, и все устроили так, что я могла выходить из дома сколько угодно. Кузина была более чем любезна, принимая меня на официальных обедах и ужинах.

Одно я помню четко. Я сильно выходила за рамки бюджета, у меня было много просроченных счетов, и в конце концов мистер Пэриш взял меня за руку и начал старательно учить бухгалтерии. Он не позволял мне просить бабушку оплатить счета и заставлял оплачивать их постепенно. Это был, вероятно, мой единственный урок обращения с деньгами, и я была бесконечно благодарна за него.

Мистер Пэриш был высоким, худощавым, с утонченной внешностью, усами и, несмотря на формальность манер, самым добрым человеком, которого я когда-либо знала.

Той зимой я начала работать в ассоциации Junior League, находившейся на ранних стадиях формирования. Мэри Хэрриман, впоследствии миссис Чарльз Кэри Рамси, была ее движущей силой. Мы были не клубом, а просто группой девушек, которые стремились принести пользу своему городу. Объединившись, мы распределили обязанности, и нам с Джин Рид, дочерью миссис и мистера Уайтлоу Рид, достались занятия с детьми в местном театре на Ривингтон-стрит. Джин должна была играть на пианино, а я – развлекать детей, обучая их ритмической гимнастике и необычным танцам.

Насколько помню, мы приезжали туда днем, после окончания уроков, и уезжали, когда было уже темно. Джин часто приезжала и уезжала в своей карете, а я ездила по надземной железной дороге или на трамвае с Четвертой авеню и шла пешком от Бауэри. Грязные улицы, забитые людьми, похожими на иностранцев, наводили на меня ужас, и я часто поджидала на углу машину, с большой тревогой наблюдая, как мужчины выходят из салунов или убогих гостиниц, расположенных неподалеку, но мне было слишком интересно работать с детьми. До сих пор помню, как меня охватила гордость, когда одна из девочек сказала, что ее отец приглашает меня к ним домой, чтобы подарить мне кое-что, потому что ей очень нравятся наши занятия. Это поддерживало мой дух всякий раз, когда мне было трудно усмирить свой выводок!

Помню, как однажды я позволила своему кузену, Франклину Рузвельту, в то время выпускнику Гарварда, приехать и встретить меня. Все девочки проявили необычайный интерес к этому событию.

Думаю, именно той зимой меня заинтересовала Лига потребителей, президентом которой была миссис Мод Нэтан. К счастью, я отправилась на небольшую экскурсию по швейным фабрикам и универсамам вместе с опытной пожилой женщиной. Мне никогда не приходило в голову, что девушки могут уставать, работая за прилавками целый день, или что у них нет стульев и самого времени на то, чтобы присесть и отдохнуть. Я не знала, какие санитарные требования должны предъявляться на швейных фабриках к воздуху или к уборным помещениям. Так я познакомилась с подобным трудом, и к весне готова была бросить всю эту хорошую работу, уехать в деревню и провести лето в праздности и отдыхе!

Пытаясь подвести итог своему развитию осенью 1903 года, я думаю, что представляла собой любопытную смесь крайней невинности и неискушенности с большим знанием трудных сторон жизни.

В наши дни трудно представить себе, в какой обстановке воспитывали девушек моего поколения. Не могу поверить, что меня единственную так воспитывали, хотя, полагаю, я строже соблюдала формальности, чем многие мои друзья.

Предполагалось, что девушкам не стоит проявлять интерес или симпатию к мужчине, пока он не покажет все возможные знаки расположения. С человеком нужно было хорошенько познакомиться, прежде чем написать или получить от него письмо, и эти письма вызывают у меня улыбку, когда я вижу их сегодня. Мало кто осмелился бы обратиться ко мне по имени,

а иная подпись, кроме «искренне ваш», считалась бы не только нарушением приличий, но и признанием в чувствах, что было совершенно недопустимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.